

Автор: Есельсон С. (Ростов-на-Дону)

Один наш бывший слушатель стал торговцем китайским чаем, создал чайный клуб, проводил положенные церемонии и даже придумал специальный вид психотерапии, с этим связанный. Словом, взялся за дело серьезно. За чаем он ездил в китайскую глубинку, познакомился с разными интересными людьми. И вот как-то в глубинке он встретился с одним соотечественником, ростом под два метра, вместе с переводчиком пробирающимся в школу по обучению кун-фу, расположенную в какой-то деревне в китайских джунглях. Наш бывший слушатель оказался человеком любопытным, не мог упустить такой шанс и увязался за любителем кун-фу. Любитель был бывшим тренером по боевому самбо, т.е. не последним человеком в своем борцовском деле. Они добрались до места, и самбист обратился к учителю кун-фу с просьбой принять его в школу. Учитель (а это был улыбочивый невысокий толстячок, по виду лет шестидесяти) предложил показать, что тот умеет. Самбист помялся-помялся и начал показывать. В результате показа он все время оказывался на земле. Когда представление закончилось, то он просто взмолился, чтобы Учитель взял его в свою школу. За любые деньги.

И тут китаец сказал замечательные слова, которые потрясли нашего бывшего слушателя. Китаец сказал, обращаясь к самбисту: «Ну, что вы к нам все ездите и ездите, все просите и просите научить?! Что, у вас там ничего своего нет, что ли?!»

* * *

С 1990 года я бывал на разных международных мероприятиях по психологии и психотерапии. В течение всех этих времен специалисты из Советского Союза, а потом и из разных стран, образовавшихся на месте бывшего Советского Союза, смотрели на коллег из-за рубежа снизу вверх, учились у них, учились и учились. И зарубежные коллеги с радостью включались в этот процесс нашего просвещения.

Удивительно было следующее: зарубежные психологи и психотерапевты никогда не интересовались, а есть ли у нас что-то свое. Они вели миссионерскую деятельность в психотерапии с полной уверенностью, что у нас ничего и не может быть своего и что нас надобно колонизировать и обратить в правильную веру.

Помнится, в 90-е в Москву с лекциями приехал известный австрийский философ Фридьоф Капра. И когда ему сказали, что то, что он говорит, в лучшем случае является повторением малой толики философских идей Г.П. Щедровицкого, он невероятно удивился. В его представлениях в Советском Союзе не могло быть никакой гуманитарной мысли в принципе.

И когда начал готовиться I Всемирный конгресс по экзистенциальной терапии и меня включили в его оргкомитет, то я решил предъяснить на конгрессе русскую школу экзистенциальной терапии, предъяснить миру наших учителей А. Алексейчика и А. Гнездилова и показать наших людей, их продолжателей.

И на моей памяти это было первое мероприятие, на котором наши люди не учились у иностранных коллег, а показывали тем, что они умеют.

И это получилось несмотря на то, что многие наши люди, собиравшиеся предъяснять свои разработки на конгрессе, не смогли приехать.

Для нас путь к конгрессу оказался, быть может, важнее самого конгресса. Началось все с постановки вопроса перед слушателями и выпускниками МИЭК — кто хочет ехать на конгресс и что он там собирает показывать? Хотело ехать более пятидесяти человек. Создали свою группу в Linked in и начали обсуждать подготовку. И тут выясняется, что председатель оргкомитета конгресса Эмми ван Дорцен сняла для конгресса один из лучших конгресс-холлов Лондона — конгресс-холл Вестминстерского аббатства, иными словами, главный зал церковных собраний англиканской церкви, и поэтому регистрационный сбор за участие в конгрессе непомерно высок для наших людей, особенно учитывая развернувшуюся с 2014 г. галопирующую инфляцию и девальвацию национальных валют в России и в Украине. Если сюда добавить визовые расходы при оформлении поездки в Великобританию и стоимость проживания в Лондоне, то начинало казаться, что поездка на конгресс — это не для наших людей. На первый взгляд. И это легко прослеживалось в возникшем обсуждении. Но постепенно люди пришли в себя и начали воспринимать сложившуюся ситуацию как вызов судьбы — началось обсуждение, почему мы не можем заработать достаточное количество денег или почему мы не можем себе позволить потратить имеющиеся у нас деньги для того, чтобы побывать на таком мероприятии.

К конгрессу в результате осмысления своей жизни перед лицом «финансового вызова» начала готовиться группа наших людей — более тридцати человек. И если кому-то из них в дальнейшем не хватало денег на конгресс, то помогали с деньгами им коллеги. Важнейшим делом на конгрессе виделось — представить там Александра Ефимовича Алексейчика и Андрея Владимировича Гнездилова. Реальность была такова, что зарубежные коллеги совершенно их не знали. А чтобы «прописать» их в мировой элите экзистенциальной терапии, нужно было, чтобы они попали в программу преконгресса. Письменные переговоры с программным комитетом по этому поводу ни к чему не приводили. Они их не знают, и все тут.

В программе преконгресса я был прописан автоматически — наверное, как член оргкомитета. И единственным способом сделать так, чтобы в программе появился А.Е. Алексейчик — это делать с ним совместную группу на преконгрессе (к сожалению, Гнездилова в программу преконгресса включить оказалось невозможно). Но чтобы эта группа состоялась, было недостаточно простого появления ее в программе, необходимо было, чтобы на нее записалось достаточное количество участников конгресса.

Эта ситуация начала обсуждаться среди тех наших людей, кто готовился к поездке на конгресс. В результате обсуждения наши люди решили приходить на группы, семинары, симпозиумы, выступления своих коллег и как-то их поддерживать. В том числе записались в большом количестве на группу А.Е. Алексейчика. Это впоследствии оказалось очень существенным, так как из зарубежных коллег на группе появилось всего четыре человека, из них две наши бывшие соотечественницы.

Кстати, такое участие в мероприятиях «своих» — людей, знакомых с данной формой работы, помогало быстрее понимать, что происходит, и включаться в работу зарубежным коллегам. Это невероятно помогло во время презентации Андрея Владимировича Гнездилова, во время экзистенциального театра Ирины Ивановны Власенко, во время моего семинара «Экзистенциальный проект "Память будущих поколений"».

Недавно в разговоре с коллегой, входящей в руководство Восточно-Европейской ассоциации экзистенциальной терапии, я заметил, что на конгрессе никто из

приехавших туда немногих членов Ассоциации даже близко не подходил к Алексейчику, не присутствовал на его мероприятиях. Она мне говорит, что они «на него и так насмотрелись, зачем еще и в Англии к нему ходить». Ответ — невероятно интересный, симптоматичный. Мы ехали точно не чтобы смотреть.

Доклад Алексейчика на конгрессе был на тему «Мы как часть Я». И мне кажется, тема доклада материализовывалась по мере нашей подготовки и участия в конгрессе.

При подготовке к конгрессу и во время конгресса складывалось «Мы».

При подготовке к конгрессу самые разнообразные препятствия начали образовываться на пути к участию в конгрессе тех наших людей, кто попал в его программу. Последнее препятствие — казалось бы, непреодолимой силы — возникло, когда пяти нашим докладчикам было отказано в визе, а у одной, жительницы Крыма, заявившей в программу конгресса мастер-класс, вообще не приняли документы на получение визы. В том числе отказали в визе руководителю симпозиума «Экзистенциальные проблемы беженцев» Екатерине Денисковой — выпускнице МИЭК, беженке из Донецка, ныне проживающей в южноукраинском городе Херсоне.

У этого симпозиума была интересная судьба — его задумала Наталья Пушкарева, наша выпускница, учившаяся на донецкой площадке МИЭК, которая оказалась беженкой и нашла с семьей пристанище под Санкт-Петербургом, в России. Но оказалось, что она не имеет права в течение года выезжать из России, предоставившей ей временное убежище. Тогда она передает свои замыслы Екатерине Денисковой, в организацию симпозиума включается еще одна беженка из Донецка, наша слушательница Светлана Проскурня, переселившаяся в Киев. И Денисковой, и Проскурне британское консульство отказывает в визах. Причем по самым невероятным основаниям. Например, Екатерине Денисковой чиновник написал в мотивировке отказа, что не обнаружил ее в программе конгресса.

Недолго Денисковой и Проскурне пришлось переживать полученный удар — одна из наших слушательниц, готовящаяся к поездке на конгресс, при внимательном рассмотрении Программы обнаруживает, что в день преконгресса Ирвин Ялом читает лекцию по скайпу. Значит, чисто технически это возможно! Мы выясняем у руководства оргкомитета — «да, возможно». И принимается решение: Денискова и Проскурня вдохновляются картиной Репина «Запорожские казаки пишут письмо турецкому султану», берут благословление и начинают готовиться к проведению симпозиума через скайп — в сочетании с тем, что третья их коллега, гражданка Беларуси Вероника Антимоник сумела получить визу и будет присутствовать на симпозиуме лично. Когда это случилось, вдруг стало ясно, как можно поддержать наших докладчиков, не сумевших появиться на симпозиуме. Те, кто получил визу, взялись делать доклады вместо не сумевших попасть на конгресс (из-за неполучения визы или из-за внезапно возникших сложных жизненных ситуаций)!

Интересно, что когда я написал в руководство оргкомитета о том, что одни люди будут читать доклады вместо других, то это вызвало недоумение — как это возможно? И тогда возник к ним вопрос: «Если человек не может присутствовать на конгрессе физически, но будет присутствовать интеллектуально, душевно, духовно — через другого человека, то разве это плохо? Разве это не экзистенциально? И как это должно поддержать тех, кто не сумел попасть на конгресс!» И руководство оргкомитета согласилось! Хотя в заключительном варианте программы стояла одна фамилия — фамилия того человека, который доклад читал. Поэтому наши люди перед докладом коротко рассказывали

аудитории об авторе доклада.

Так складывалось «Мы».

* * *

Что стало виднее мне на конгрессе? Отличие нашей экзистенциальной терапии от той, которая развивается нашими коллегами в Европе и в Америке.

Вот одно отличие — отношение к словам.

Словам после XX века у нас безусловного доверия нет. Слова у нас в культуре обесценились — за словами может стоять все что угодно. Любое утверждение у нас проверяется действием.

Если говорить языком философии — для нас XX век был веком симулякров, где абсолютно все слова выражали что-то другое. Люди у нас часто учились не выражать, а скрывать свои мысли.

И Александр Ефимович Алексейчик побуждает проявиться человека в действии: «Ты объявил себя толерантным? Прояви!» И начинает с жаром критиковать лесбиянство (!!!) — будет ли клиентка толерантна к этой критике или она толерантна только к лесбиянству? «Ты объявил, что твои проблемы — проблемы с вертикалью власти? Прояви!»

И начинает иронизировать, иронизировать и иронизировать над клиенткой. И тут начинают проявляться проблемы — и совсем не с вертикалью власти. «Ты объявил, что твои проблемы — отцовство?» И тогда вдруг начинает на наших глазах материализовываться фильм А. Звягинцева «Возвращение» с жестким мужским воспитанием — благодаря которому мальчики научаются выдерживать удары судьбы. И тут-то и проявляется, что проблемы клиента — в изнеженности, в недостатке мужественности, в нестремлении к ней.

Проходит семинар «Этика и психотерапия». Ведущий рассказывает и рассказывает про ту этику, про другую этику, все рассказывает и рассказывает. И тогда Алексейчик вытаскивает кошелек, вытаскивает из него какую-то значимую сумму, кажется 200 фунтов, бросает их и говорит: кто возьмет — того и деньги, но с условием — поднять надо этично. Прояви свою этику! И начинается совсем другой семинар.

Альфред Лэнгле объявляет, что в отличие от Виктора Франкла он не ограничен религиозной верой и открыт всему. Тогда А.Е. Алексейчик выходит и предлагает ему расположить себя на шкале, где с одной стороны «полное безверие», а с другой — «вера», между ними — много разных делений, «недоверие», «доверие» и т.д. И тут выясняется, что А. Лэнгле открыт чему угодно, но только не этой шкале, только не человеку, предлагающему расположить себя на шкале.

Повышенное внимание к словам, к интонациям, к рассказам, на мой взгляд, сопровождалось тем, что происходящие события ускользали из поля внимания коллег. Вот характерный пример. Идет секция, где с докладом «Мы как часть Я» должен выступать А.Е. Алексейчик и со своим докладом должен выступать я. На доклад дается 20 минут. У Алексеичика заявлено, что доклад будет по мотивам русской философии, в том числе и по мотивам экзистенциализма Ф.М. Достоевского. Он высту-па-ет 20 минут, и времени не хватает. Тогда я сообщаю, что отдаю ему свое время — еще 20 минут. В этот самый момент в аудитории поднимается наш зарубежный коллега и спрашивает: «Когда же начнется Достоевский?» Я говорю, что Достоевский начался, что он только что материализовался в действии, так как я свой доклад готовил полгода, переводил его на английский, тренировал произношение, а нынешней ночью сокращал его, чтобы уложиться в 20 минут — и вот спокойно, даже с радостью уступаю свое

время А.Е. Алексейчику, моему коллеге, другу и учителю. Я с удивлением обнаружил, что происшедшее событие не интерпретировалось, интерпретировалось только содержание доклада.

Последний день конгресса. Секция «Духовность и смысл». Выступает 20 минут с докладом конфликтолог, потом выступает 20 минут с докладом о навигации в лабиринтах духовности наш коллега, экзистенциальный терапевт, а потом нашему товарищу, преподавателю МИЭК, на его доклад и еще одной коллеге на ее доклад остается по 7 минут, так как секция длится 55 минут. И у меня возникает вопрос к тому человеку, который 20 минут рассказывал о духовности — как то, что он рассказывал, соотносится с тем, что он только что забрал чужое время? В ответ — недоумение: «А почему то, что я рассказывал, должно иметь какое-то отношение к тому, как я поступаю?»

Несколько удивительных встреч.

Чилийка, чьи предки из первой волны русской эмиграции, читающая наш журнал.

«Тихий китаец», руководитель экзистенциального института «с ки-тай-ской спецификой», в конце конгресса отозвавшийся: «Вы здесь были самыми живыми».

Замечательный шотландец, ученик Рональда Лэйнга, посмотревший фильм об Алексейчике и его последователях и бурно прореагировавший — Алексейчик напомнил ему его учителя, и он предложил нам «дружить домами».

Немец из бывшей ГДР, подошедший ко мне после собрания, на котором обсуждалось создание Европейской ассоциации экзистенциальной терапии. На этом собрании я удивлялся, что народ, не обсуждая насущных проблем своего взаимодействия («чем мы можем быть полезны друг другу?»), сразу же стремится построить организацию. Причем весь смысл этой организации — вступить в Евро-пей-скую ассоциацию психотерапии (ЕАП), чтобы иметь возможность выдавать стандартизованные сертификаты ЕАП. А ЕАП увеличение количества членов нужно, чтобы стать более заметными в глазах европейской бюрократии — Еврокомиссии. Я сказал, что это мне напоминает мое пионерское детство. И вот ГДРовец подошел сказать, что у него те же чувства.

Человек с юга Италии, подошедший ко мне как человеку с юга России и высказавшийся о том, что северные люди не очень-то могут понять нас, южных.

Кирк Шнайдер, который подошел к нам и спросил, как, на наш взгляд, лучше организовать диалог.

И стало понятно, что надо ездить друг к другу. Что надо для начала пригласить на апрельский семинар Алексейчика тех, кто пошел с нами на контакт, и обеспечить каждого индивидуальным переводчиком. А дальше — видно будет.

Эмми ван Дорцен удалось сложнейшее организационное действие — собрать вместе представителей нескольких школ экзистенциального праксиса, обеспечить в течение четырех дней их взаимодействие, создать организационные основы для будущих наших встреч и взаимодействия. Жалко, что Эрнесто Спинелли не смог преодолеть себя и уклонился от участия в конгрессе. **Автор: Зиневич А. (Одесса)**

Помни, что ты романтик, который обязан быть реалистом. Нет ничего труднее, чем видеть реальность как она есть — видеть то, что есть — трезво и трагично.

Илья Рейдерман

Есть особое искусство: всегда что-то любить и чего-то хотеть. И это должно быть тем, что не может разочаровать.

Иван Ильин

Конгресс в картинах и лицах

По следам путешествия с Доктором Балу

«**Найди себя на картине**». В гуще работы по подготовке поездки наших слушателей и преподавателей на конгресс Семен Борисович Есельсон предложил мне найти себя на картине «Казачи пишут письмо турецкому султану». Там центральной фигурой на картине был писарь. Я мнила, что писарь — это я. (Да вроде бы так и выходило: я единственная, кто связует Семена Борисовича и наших людей с организаторами конгресса в лице Дигби Тантама, и пишу под диктовку казаков письма в Лондон — тоже я). А как только произошла первая неудача (не дали визу) — я упала под лавку и спряталась. В буквальном смысле: «И не нужен мне ваш конгресс, мне и здесь хорошо». А потом нашла на картине валяющегося под лавкой пьяного казака с простреленной шаровариной. Но он валялся в нужное время и в верном месте. И потому попал в историю.

О том, как размыкаются круги. На самом деле конгресс оказался прорывом в замкнутом круге, прямо-таки семейном, ибо повторяется он из поколения в поколение. Не знаю, как давно это началось, но выглядело так: у прабабушки это было пение. Уже после войны, пережив эвакуацию из блокадного Ленинграда, она закончила пятый курс Ленинградской консерватории. Исхудавшая, голодная, не могла взять самую верхнюю «до» — но закончила с отличием. А потом — переезд в Одессу: кто-то что-то пообещал; но кандидатуры на вакантное место в Оперный было две — и взяли другую... И вся оставшаяся жизнь — обида и жалобы на не-сбыточность. Прозябание дома и угнетение ближних. Судьба не-сложилась, не-сбылась. Потом — ее сын, мой дедушка — заканчивает медицинский. Становится психиатром. Ему не нравится. Поступает в аспирантуру в Новосибирский Академгородок и становится нейрофизиологом. Сложнейшие эксперименты с электродами в мозгу у кошек. Попутно делает два открытия в других областях медицины. И что же: не сошелся характером с одним руководителем, со вторым — и каждый раз приходится браться за новую тему, а наработки достаются другому... А третий руководитель — женщина, и ей надо бы подать шубу, улыбнуться... Но это слишком унижительно. И дед возвращается из Академгородка ни с чем — к больной и требующей его внимания матери. Друг по университету обещает ему место и работу у себя — и опять ничего. Потом мой папа, его сын. Мечта — стать пилотом. Становится самолетостроителем (не взяли в летчики — недоотжался). Работа не нравится. Получает второе образование — «солнечного физика». Но оказывается, заветная мечта — быть музыкантом и поэтом. И в результате — и ни то, и ни это. Временные подработки и увлечения.

По маминой линии была другая история — ее деды выжили в Гулаговском спецпоселении для ссыльных, в Коми-Пермятской области. И мой дед, отец мамы, добился своей мечты — стал художником, а затем археологом — и трудился на избранном пути до конца, хотя были большие препятствия: никто из родных не воспринимал его занятия всерьез, противники высмеивали «звездную археологию», а сторонники не давали публиковаться, выдавая его открытия за свои... Но настало время определяться с судьбой его дочери, моей маме — дед так хотел, чтобы она пошла по его стопам, а у нее была другая мечта... И в результате, не поступив на археолога, не рискнула добиваться своего и получила не нужное ей образование. И не стала переводиться в другой институт, когда появилась такая возможность. Было лень терять лето на подготовку... И опять недо...

Конгресс был прорывом в этом «недо» — недо-усилии, недо-мыслии, недо-верии, недо-бытии. Не-сбыточности. А значит, из жизни придуманной, намечтанной, в которую сбегаешь от неудач — в жизнь реальную. В которой от твоей воли и усилия зависит многое. Прорывом не только в моей жизни, но и в жизни моей семьи (до конца не верившей в то, что поездка состоится). «Сделать все возможное, чтобы свершилось невозможное» — этот завет Семена Борисовича останется со мной навсегда (этими словами он и вытащил меня из-под лавки). Так же как «не впадайте в уныние никогда».

Реальность сказки. На второй день конгресса Андрей Владимирович повел меня в галерею Тэйт смотреть прерафаэлитов. У прерафаэлитов я увидела реальность сказки. Балу постоянно обращал мое внимание, как у них выписана каждая деталь, как все предельно реалистично! А сюжет при этом — сказочный. Да еще вставлен в раму, в которой фигурно вырезаны стихи. «Они все еще и поэтами были! — повторял Балу. — У всех непростые судьбы... Тогда люди думали о них: безумцы! А теперь мы ими восхищаемся».

Балу рассказал об одном из них — Россетти. Гений. Безумец. Изображал все время одну и ту же женщину на всех картинах. Был влюблен в нее. Она — жена лучшего друга. Наконец, спустя десятилетие, добился ее. Теперь она — его. И в первую же ночь произошла катастрофа. Что-то пошло не так, что-то случилось. Он впал в депрессию, избегал ее, пил и употреблял наркотики. Покатился по наклонной. Сломал жизнь и ей, и себе. Такой был человек.

Тут мы подходим к портрету Карла I. (Позже я увижу удивительное сходство Балу и Карла на фото, где они вместе.) И Балу говорит: вот воплощенное благородство. И рассказывает, как Кромвель, убийца Карла, после того, как по его приказу Карлу отрубили голову — попросил открыть для него гроб, долго смотрел и сказал: «Да, это был человек здоровой комплекции... мог бы еще пожить». Нужно же как-то опорочить, унизить чистое, благородное. Благородство, которого не может простить, принять, вынести грязный, вульгарный плебей.

С изумлением потом узнаю, что художнику, рисовавшему единственный прижизненный портрет Кромвеля, тот велел: «Рисуй, как есть, — и бородавки тоже!». А после смерти Кромвеля выбросили из Аббатства, привесили голову на пику, и теперь никто не знает, где его останки. И поделом.

А Карл... Карл велел своему верному слуге в утро перед казнью — подать ему две сорочки (был конец января). И при этом сказал: «Чтобы я не дрожал от холоду, идучи на эшафот, — а то подумают, что я дрожу от страха!» Опять о страхе!

Уже уходя, встретили «женщину с картины». Она была простой продавщицей в магазине альбомов и открыток при музее. Андрей Владимирович сразу установил с ней контакт — и шепнул мне: она же с этих картин! Вот работает здесь... Под воздействием Балу женщина сразу превратилась в друга, и вот уже Балу обменивается контактами, зовет в Петербург... Да и сам Балу — будто с этих портретов XIX века, настоящий романтик и аристократ...

О сумасшествии. В галерее Тэйт видели работы Вильяма Блейка. Еле добрались до него по тайной узкой лесенке.

— На его картины нельзя долго смотреть — а то поверишь, — предупреждает Балу, ускоряя шаг.

— Поверишь в сумасшествие?

— Да.

— Точно! А мне и подавно нельзя смотреть, я сама так видела мир в 12 лет.

— И даже Бог у него какой-то языческий, — замечает Баллу.

На счет сумасшествия потом был такой эпизод. Решили поесть с Баллу мороженого, подсаживается к нам женщина, что-то говорит с испанским акцентом. Я обрадовалась (думаю — вдруг с конгресса!) — говорю:

— Здравствуйте! Вы откуда? Я слышу испанский акцент.

— А вы откуда?

— А мы вот оттуда-то, психологи, он — профессор...

Она сразу переменялась и агрессивна так:

— А я — психиатр! Ну и что он, этот ваш профессор, создал?

— Он открыл, что сказка может лечить.

Собеседница расслабилась.

— А, сказки... Сказки нам нужны... А вот на Луну никто не может летать — так ему и передайте. Это тоже сказки. Еще Гагарин это знал. Передавайте ему привет.

Уходим. Спрашиваю Баллу:

— Я правильно понимаю, что не нужно бояться сумасшествия?

— Правильно. Пусть оно боится вас.

— Мое? Или другого тоже? Про мое понятно, а как чтоб другого...

— Вы — хозяйка положения. В вашей власти изгнать его — или смотреть на него с любопытством.

— Так надо изгонять?

— Зачем же. Мы с Вами как раз делаем то, что очень мало кто хочет делать — мы хотим помочь. Но проблема в том, что настоящий сумасшедший не хочет признавать себя сумасшедшим.

Предостережение Алексейчика. Первое, что мне сказал Александр Ефимович, встретив меня в гостинице и выслушав восторженный рассказ про Лондон — «не очаровывайтесь». Я спрашиваю:

— Т.е. смотреть трезво? Чтоб потом не разочаровываться?

— Да.

А я — очарованный странник, хочется очаровываться Лондоном, конгрессом, Баллу, самим Алексейчиком...

И как совместить требование трезвости с фразой Баллу: «Привыкайте к чудесам!» И после стольких чудес, которые случились в Лондоне и на пути к нему? После чуда с путешествием к Антонию Сурожскому?

Тут в помощь мне — опыт со-вместного бытия с Баллу: мне удалось на некоторое время смотреть на людей его глазами. Он мог слушать речь докладчика и, не понимая слов, охарактеризовать его по тембру голоса, интонации, жестуляции. Он видел его через художественный образ — образ героя. Каким героем был бы этот человек в сказке? И тут удивительная возможность — ведь нам, неисправимым романтикам, никогда не удастся увидеть мир и людей «как они есть» — «в истинном свете», во всей неприглядной «реальности». Не разглядеть романтикам и зла — уж очень мы доверчивы. Как говорит мой муж: «Скорее мы, увидев в человеке зло — не бросаемся прочь от него, но стремимся переделать, преобразить, спасти...»

Как же нам увидеть реальность? А при ответе на вопрос, какого персонажа напоминает мне человек, на которого сейчас смотрю, происходят удивительные вещи. Вот стоит докладчик — в таких «белых» одеждах, такой благородный, учтивый, интеллигентный.

Делюсь своими впечатлениями с Балу — а он вдруг говорит: «Да он же похож на Мефистофеля!» Говорю: «Как! Он же стоял в таких светлых одеждах и так хорошо говорил, даже слишком тихо и благопристойно...» Балу: «Да вы посмотрите на него — как он ходит! Какая у него петушинная походка!» Ходит как петушок — значит те еще амбиции, запрокинув голову, прыгающей походкой... А мне казалось — такой мирный, тихий, светлый и прозрачный как стакан воды человек «в белых одеждах». Или про Кирка Шнайдера: «Он же похож на пса! Все время нагибает голову в ожидании, что его погладят». И действительно — смотрю — настоящий терьер, и в разговоре пригибается, подставив собеседнику голову. Потом подошла к нему «установить контакт», и оказалось — очень дружелюбный человек, без величия и спеси. И даже без визиток.

О вере и о духовности. В преконгрессный день, на воркшопе Наймера про горевание «По ту сторону Прощания: нарративная интеграция потери», Балу сказал: «Как он хорошо говорит! Какой актер!»

И действительно, Наймер кружил вокруг каждого человека, внезапно называя его своим пациентом, неожиданно вскрикивал, даже падал на пол. Но в результате этот актер не дал ни одного ответа на вопросы Балу: «Может ли суицид быть формой переживания горя, способом справиться с ним тому, кто потерял близкого? Есть ли процент суицида, совершенного родственниками умершего? И каковы особенности?», «Пользуетесь ли Вы "двойными вопросами", например: "Есть ли что-то позитивное в смерти Вашего близкого?"» и «Как Вы относитесь к мистическим переживаниям в момент клинической смерти? Верите ли в них?»

Я тогда предположила: «Они считают, что свою веру нужно выносить «за скобки». Мол, нельзя ничего навязывать, предписывать». Балу ответил на это просто: «Почему я должен скрывать? Скрывать то, во что я верю? Я ничего не навязываю, но имею право свидетельствовать».

...Выходит, и «равноправие» в диалоге терапевта и клиента, и «открытость» — можно понимать совсем по-другому. Как открытость друг другу во взаимодействии, а не как отстраненное, беспристрастное наблюдение за проявлениями клиента.

После моего доклада на конгрессе иностранная коллега-теолог спросила:

— Вы много говорили про духовность... о связи духовности с терапией. Можете сказать больше — в чем эта связь выражается?

Я крепко задумалась, ведь в трудах экзистенциальных философов ответ не лежит на поверхности. А экзистенциальные терапевты (по уже упоминавшимся «феноменологическим» мотивам) вообще избегают разговоров о духовности. (Никакие убеждения и предубеждения не мешали тебе принимать его, как он есть... Как он есть — в его бездуховности? «Нет-нет: никакой оценки»!)

И я ответила следующее: «В Лондоне жил и работал замечательный человек, митрополит Антоний Сурожский. В нескольких сотнях метров отсюда — его церковь, в которой он служил. Он очень близок моим учителям, а через них и мне. Он говорит, что излечиться можно только в другую жизнь. Не ты сам по себе заболел, а ты заболел в той жизни, в которой живешь. Поэтому нельзя вылечиться и вернуться в прежнюю жизнь. В ту, в которой заболел. Нужно изменить сам образ жизни — с больного на здоровый, чтобы выздороветь». Тут я посмотрела на Дигби и сказала, что, конечно, должны измениться все четыре уровня, не только духовный, но и физический, эмоциональный, социальный... И не сказала, почему же смена образа жизни есть задача духовная. И что только если меняешься духовно, попутно и все остальные уровни

меняются. Даже если не придет физического исцеления, и психика твоя останется «проблемной» — ты не им уже подчинен. Ты внутри — здоровый человек. Если же понимать «четыре измерения человеческого бытия» как торт — пришел человек с переразвитым духовным, сейчас добавим ему эмоциональной или социальной жизни. Или наоборот — духовной подбавим. Тогда выходит современный буржуа: утром он занимается спортом, днем общается и работает, а по воскресеньям посещает филармонию и/или кирху. Киндер-кюхе-кирха. И все у него «на всех уровнях» — в порядке. Нигде пробелов нет.

На третий день конгресса мы посетили семинар по духовности... Увы! Как сказал Балу, «духовности» на нем было «маловато». Особенно, когда докладчики лишили нашего докладчика и времени, забрав его себе, и возможности задавать ему вопросы. Один из них рассуждал: на какой ступени находится христианская духовность, а на какой — ницшеанская, и что там еще выше. Хотелось спросить: «А на какой — Вы?»

Был разговор с Балу и о вере... Балу сказал: «Еще Достоевский это знал и показал: без веры русский человек идет вразнос. Он без веры сразу в скотину превращается. И только в православной вере для него спасение».

Вокршоп Андрея Владимировича: «Встреча со смертью: психотерапия путем обращения к экзистенциальному измерению Чудесного». От воркшопа Балу, который я переводила на английский, запомнилась особенная тишина, стоявшая в зале. Тихий голос Балу сменялся моим возбужденно-громким. Наконец я со-настроилась, и потекла тихая речь. Когда переводила рассказ про его первую сказку, сочиненную для умирающего мальчика, в зале слышались тяжелые вздохи. Кто-то плакал. Но тут слушателей воодушевил рассказ про девушку, которая вырвалась из плена одиночества благодаря появлению в ее жизни куклы-подруги. О том, как им хорошо жилось вместе, и как она вновь загоревала, что у нее нет любимого. И как, придя на ярмарку — она выбрала суженого для своей куклы. Куклы поженились, и — о Чудо! — вскоре в дверь девушки постучал ее будущий муж... Балу предложил слушателям выбрать одну из привезенных им кукол. На воркшоппе были показаны видео, подготовленные и переведенные на английский усилиями нашей коллеги, Натальи Мосян. После видео про имидж-терапию Балу предложил зрителям, прежде всего иностранным коллегам, примерить привезенные им платья и костюмы. Наконец, одна златоволосая женщина робко подошла и стала примерять бальное платье Королевы. Потом подошла еще одна и оделась в русское платье с кокошником. Балу предложил познакомиться с «новыми» образами себя в большом зеркале и поделиться впечатлениями. Златокудрой женщине очень понравилось быть королевой; по ее словам, это было как раз то, чего ей не хватало в ее образе себя. А вот женщина в наряде боярыни чувствовала себя очень неуютно: кокошник давил на голову и даже вызвал мигрень. Еще мне запомнился очень внимательный слушатель, похожий на испанского конкистадора. На третий день конгресса желающие имели возможность поучаствовать в театральной постановке сказки Андрея Владимировича «Бал неслучившихся встреч» — экзистенциальном театре, представленном Ириной Ивановой Власенко.

Доклад Эмми. Она все рассказывала про исключительную полезность тревоги как нашего двигателя, что без нее вообще ничего нет — и Кьеркегор говорил, что она должна быть всегда... Андрей Владимирович слушал, слушал и сказал: «Что она говорит? Ну хорошо, направишь тревогу для достижения цели. Это же проблемы не решает! Это в капиталистическом обществе они ее прославляют. Мира внутри у них нет.

А этот внутренний покой очень человеку нужен...»

Стихи. Все время, по каждому поводу Балю шептал стихи. Он помнил их целыми свитками. При этом он мог не помнить автора. Казалось, что он их заново сочиняет. И все это были стихи Серебряного века. На группе под кодовым названием «Есть ли жизнь после пенсии» (вед. Мартин Адамс) нас попросили вписать в кружочки, символизирующие этапы жизненного пути, самые важные для нас события. И Балю, взяв слово, сказал, что вся его жизнь — осуществление стихов, которые читала ему в детстве мама. Стихи стали программой всей его последующей жизни.

Как-то после очередного дня конгресса я рассказала про встречу мужа с Анной Ахматовой, и Балю рассказал мне про свою. Он не знал тогда Ахматову в лицо. Однажды на одной из питерских улиц он увидел очень величественную женщину, которая неторопливо шагала в длинном платье, а вокруг нее вился какой-то маленький худенький человечек. И все забежал вперед, как бы говоря всем: «Смотрите, с кем я иду!» А потом, буквально через месяц, ему сказали, что Ахматова умерла. Его знакомый скульптор показал ему копию ее посмертной маски, и Андрей Владимирович узнал в ней ту самую женщину.

Поход в Вестминстерское аббатство. Удалось провести бесплатно Андрея Владимировича, Семена Борисовича и Александра Ефимовича в Аббатство. Ходим по Аббатству: вот поэт, никому не известный, но он убедил Аббата похоронить его стоя, ведь тогда на него потратится всего одна плитка — и тот согласился. Вот Ньютон, вот уже бронированное место для Хокинга. А вот Дарвин. Опускаю глаза — точно: Дарвин. Кричу всем — идите сюда, здесь Дарвин! Андрей Владимирович сразу попросил его подвести: хочу постоять на могиле Дарвина. И я с наслаждением потопталась. Семен Борисович возмутился: что он здесь делает? Экскурсовод смогла только сказать, что его останки запросило само Аббатство — ведь знаменитость...

Кульминация конгресса. На сегодня мне важно из предостережения Алексейчика: «не очаровывайся собой!». А очаровываться миром — не миром сумасшедшего, или одинокого волка, как раньше — а миром полным, живым, реальным — не могу отказаться.

Муж сказал после моего рассказа о «путевке в сказку» прерафаэлитов: «Удивительное — рядом, но оно запрещено». Действительно — Та реальность — реальнее нашей житейской, земной. И кто из нас призрак? Картина или я?

Один из моих выводов: **на себя — тратишь, а другим — даришь.**

Кто-то ехал показывать себя, свое имя, и потому не нуждался даже в учениках-последователях (разве что как в массовке для самопрезентации). А кто-то если и показывал, то не себя — а школу, сообщество, то, что совместно было рождено в течение двадцати лет каждым из нас в лоне школы. Кто-то дистиллировал дух конгресса — в трехлитровую бутылку русской водки, и подарок вышел не духовный, а с «душком».

Недаром Балю сразу сказал: «Это он нам так мстит, что ли?» — мстит за наши разговоры и расспросы про веру. Ведь вышла издевка над Духом...

А наши в лице Наташи Патлань — принесли Покрова, вышитые в монастыре — и покрыли всех — и божьих, и безбожников, и местных беснующихся — всех покрыли. И здесь был Дух.

Получается, мой рассказ: про любовь и про страх. И про победу над страхом. Может быть — страх делает дырки в сосуде души человеческой? И дыра — это и есть грех... А страх излечивается верой: все, что происходит — не по твоей воле так, и за все нужно

быть благодарным. Все от Него. И сомневаться нужно не в том, что будет со мной (мои усилия тщетны и все равно мне не дадут визу). А в себе. То ли делаю, зачем? Все ли делаю ради мечты — или только мечтать умею?

И последнее. Как же примирить веру в чудо и видение реальности?

Семен Борисович как-то прочитал мне отрывок из книги одного священника, в которой говорится примерно следующее: а ты не думай, что ты достоин чуда. И может, тогда чудо с тобой случится. Нужно держать глаза открытыми на свою недостойность! Как только почувствуешь, что ты на «верху» — все пропало. Вернемся к эпиграфу Ильина. Что нас разочаровывает? Ответ мужа: «Разочаровывает то, что было связано только с тобой». (Выбрал работу/призвание — только чтобы самоутвердиться, только для и ради себя.)

А.Е. Алексейчик: «Во всяком деле или Бог послал, или бес попутал». А не разочарует никогда Больше, чем ты.

...По итогам конгресса написалась сказка, в герое которой угадываются черты одного Волшебника. При встрече я зачитала ее Балу, он слушал очень внимательно. А потом протянул мне свою сказку. Точь-в-точь такую же.